НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

№ 21.

Э. ДЮРКХЕЙМЪ
ПРОФЕССОРЪ ПАРИЖСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

„ГЕРМАНІЯ ВЫШЕ ВСЕГО"

ИДЕОЛОГІЯ НѢМЦЕВЪ И ВОЙНА.

Переводъ съ французскаго В. Ш.

Цѣна 75 коп.

Издательство
преподавателей
Московскаго
Университета

МОСКВА.
Тип. Т-ва Рябушинскихъ, Страстной бул., Путинковскій пер. соб. д.
1917

НАУЧНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

№ 21.

Э. ДЮРКХЕЙМЪ
ПРОФЕССОРЪ ПАРИЖСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

„ГЕРМАНІЯ ВЫШЕ ВСЕГО“

ИДЕОЛОГІЯ НѢМЦЕВЪ И ВОЙНА.

Переводъ съ французскаго В. Ш.

Цѣна 75 коп.

Издательство
преподавателей
Московскаго
Университета

МОСКВА.
Тип. Т-ва Рябушинскихъ, Страстной бул., Путинковскій пер. соб. д.
1917 г.

БИБЛІОТЕКА

ВВЕДЕНІЕ.

Все поведеніе Германіи во время войны есть слѣдствіе извѣстнаго умственнаго и душевнаго уклада. Главна цѣль очерковъ, составляющихъ нашъ сборникъ,—показать Германію такою, какою намъ ее открыла война. Мы уже говорили о ея вызывающемъ нравѣ, о воинственности ея воли, о полномъ ея презрѣніи къ международному и всякому человѣческому праву, о ея систематической безчеловѣчности и узаконенныхъ жестокостяхъ. Но эти многочисленныя проявленія нѣмецкой души, какъ ни реальны они въ своемъ разнообразіи, стоятъ всѣ въ зависимости отъ одного основного психическаго и идейнаго фона, что и создаетъ ихъ единство. Они всѣ служатъ лишь разнообразнымъ выраженіемъ одного и того же духовнаго уклада, который намъ хотѣлось бы въ данномъ трудѣ вѣрнѣе постигнуть и опредѣлить.

Это изслѣдованіе тѣмъ болѣе необходимо, что только оно и дастъ возможность отвѣтить на вопросъ, который теперь еще ставятъ себѣ за границей многіе благомыслящіе. Накопившіеся факты, доказывающіе, чѣмъ Германія стала, и тѣмъ самымъ оправдывающіе взведенныя на нее обвиненія, вызвали, даже въ самыхъ симпатизирующихъ ей кругахъ, несомнѣнный по-

воротъ мыслей. Однако, нерѣдко раздается возраженіе, за которое закоренѣлыя симпатіи стараются еще уцѣпиться. Какъ ни краснорѣчивы выдвигаемые нами факты, ихъ отрицаютъ подъ предлогомъ ихъ апріорной маловѣроятности. Немыслимо, говорятъ намъ, чтобы Германія, которая до сихъ поръ не только принадлежала къ великой семьѣ цивилизованныхъ націй, но даже занимала между ними выдающееся положеніе,—до того измѣнила всѣмъ принципамъ цивилизаціи. Нельзя допустить, чтобы эти люди, съ которыми мы дружили, которыхъ уважали, которые въ концѣ концовъ стояли на одинаковой съ нами нравственной плоскости,—превратились вдругъ въ такихъ агрессивныхъ, беззастѣнчивыхъ варваровъ, вызывающихъ всеобщее негодованіе! Всѣ думаютъ, что насъ ослѣпляетъ пристрастіе воюющихъ, мѣшающее намъ видѣть вещи, какъ онѣ есть на самомъ дѣлѣ.

Между тѣмъ, эти дѣйствія, которыя насъ сбиваютъ съ толку, почему и хочется ихъ отрицать, какъ разъ истекаютъ изъ совокупности идей и чувствъ, подлежащихъ нашему изученію, и являются естественными послѣдствіями вызывающихъ ихъ причинъ. Тутъ цѣлая система, умственная и нравственная, установленная въ виду войны, и остававшаяся въ мирное время на заднемъ планѣ совѣсти. Объ ея существованіи знали, и пожалуй, сознавали ея опасность, но только война дала возможность оцѣнить силу ея вліянія по силѣ ея дѣйствій. Эту систему и резюмируетъ цѣликомъ извѣстная формула, стоящая въ заголовкѣ.

Мы прослѣдимъ этотъ нравственный укладъ по Трейчке. Чтобы его описать, намъ не придется искать его составныхъ ча-

стей въ разныхъ источникахъ и стараться ихъ затѣмъ связать въ болѣе или менѣе искусственное цѣлое. Одинъ нѣмецкій писатель изложилъ эту систему съ полнымъ и яснымъ сознаніемъ того, какіе принципы лежатъ въ основѣ ея и какія послѣдствія въ ней скрыты. Это—Генрихъ Трейчке во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, но премущественно въ своей «Politik» [1]). Намъ, слѣдовательно, всего лучше будетъ руководиться его же изложеніемъ. Мы постараемся всецѣло предоставить ему слово и передъ нимъ стушеваться. Такимъ образомъ мы не рискуемъ исказить его мысль пристрастными и тенденціозными толкованіями.

Если мы беремъ Трейчке главнымъ предметомъ нашего изслѣдованія, то это вовсе не вслѣдствіе его достоинствъ, какъ ученаго или философа. Напротивъ, онъ насъ интересуетъ именно въ силу того, что его устами говоритъ не отдѣльная личность, а цѣлый коллективъ. Трейчке вовсе не оригинальный мыслитель, выработавшій въ тиши кабинета личную свою систему: это личность въ высшей степени показательная и характерная, а съ этой точки зрѣнія и поучительная. Онъ глубоко захваченъ жизнью своей эпохи и выражаетъ настроенія своей среды. Другъ Бисмарка, призвавшаго его въ 1874 г. въ берлинскій университетъ, большой почитатель Вильгельма II-го, онъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ и самыхъ горячихъ проповѣдниковъ имперіалистической политики. Онъ не ограничился

---

[1]) Эта книга составлена изъ лекцій, читанныхъ профессоромъ Трейчке ежегодно въ Берлинѣ, въ осенніе семестры. Наши цитаты заимствованы изъ II-го изданія Leipzig 1890.

тѣмъ, что облекъ въ громкія формулы господствовавшія вокругъ него идеи,—онъ болѣе, чѣмъ кто-либо, способствовалъ ихъ распространенію и устно и письменно. Будучи журналистомъ, профессоромъ, депутатомъ рейхстага, онъ посвятилъ себя всецѣло этому дѣлу. Своимъ суровымъ и красочнымъ краснорѣчіемъ, не изысканнымъ, но захватывающимъ, онъ овладѣвалъ молодежью, которая массами толпилась вокругъ его каѳедры. Онъ былъ однимъ изъ воспитателей современной Германіи и послѣ смерти своей еще болѣе вовросъ въ ея глазахъ [1]). Но что болѣе всего доказываетъ безличность его сочиненій, это то, что мы въ нихъ найдемъ ясно и смѣло выраженными всѣ принципы, которые теперь ежедневно примѣняются на дѣлѣ главнымъ штабомъ и дипломатіей. Онъ предсказалъ, даже поставилъ Германіи въ обязанность все то, что она практикуетъ съ самаго начала войны, поддерживая свое мнѣніе разными доводами. Всѣ теоріи, которыми нѣмецкіе интеллигенты пытались оправдать дѣйствія своего правительства и арміи, мы находимъ уже у него, но приведенными въ строгій порядокъ и подчиненными одной центральной идеѣ, связующей ихъ въ единое цѣлое. Бернгарди, о которомъ столько говорятъ, не болѣе какъ его ученикъ; онъ только примѣнилъ къ текущимъ политическимъ вопросамъ формулы своего учителя, не прибавивъ къ нимъ

---

[1]) Какъ только онъ умеръ, „преувеличенныя похвалы стали раздаваться со всѣхъ сторонъ. Тотчасъ составился комитетъ, подъ предсѣдательствомъ кн. Бисмарка, чтобы ему воздвигнуть памятникъ. Слушая отзывы о немъ, можно было бы подумать, что онъ, какъ историкъ, затмеваетъ собою всѣхъ историковъ своей родины". A. Giulland, L'Allemagne nouvelle et ses historiens стр. 230.

ничего существеннаго [1]), но онъ ихъ вульгаризировалъ и довелъ до крайнихъ предѣловъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ книга Трейчке вышла въ свѣтъ уже лѣтъ 20 тому назадъ, его ученіе въ ней выступаетъ ярче, не загроможденное разными наносными элементами, успѣвшими съ тѣхъ поръ замаскировать главныя его черты. Вотъ что оправдываетъ выборъ нами даннаго автора.

---

[1]) Мы къ нему будемъ прибѣгать только въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ пополняетъ мысль Трейчке.

Глава I.

Государство стоитъ выше международныхъ законовъ.

Международные трактаты не связываютъ государства. Апологія войны. Вся система держится на своеобразномъ пониманіи государства, его природы и роли. Такая мысль можетъ быть покажется слишкомъ абстрактной, чтобы серьезно вліять на умы. Но мы сейчасъ увидимъ, что кажется она абстрактной только на первый взглядъ, а на самомъ дѣлѣ, въ ней таится очень живое чувство.

Характернымъ свойствомъ государства, по общепринятому пониманію, считается верховная власть. Государство обладаетъ суверенитетомъ въ томъ смыслѣ, что въ немъ—источникъ всякой юридической власти надъ гражданами, и нѣтъ власти высшей, которой оно должно было бы подчиняться. Всякій законъ исходитъ отъ него; и нѣтъ той высшей инстанціи, которая имѣла бы право ему предписывать законы. Но эта верховная власть, которая ему такимъ образомъ приписывается, всегда бываетъ относительна. Вѣдь извѣстно, что государство фактически зависитъ отъ множества нравственныхъ силъ, которыя хотя и не облечены въ строго юридическія формы и организаціи, тѣмъ не менѣе вполнѣ дѣйствительны. Оно зависитъ отъ подписанныхъ имъ трактатовъ, свободно взятыхъ на себя обязательствъ, нравственныхъ правилъ, которыя оно должно поддерживать и, слѣдовательно, само первое уважать. Оно зависитъ отъ мнѣнія своихъ подданныхъ и мнѣнія иностранныхъ народовъ, съ которыми должно считаться.

Расширьте, напротивъ, его независимость до крайнихъ пре-

дѣловъ, отнимите у нея всякую грань и стѣсненіе, доведите ее до абсолюта, и у васъ будетъ государство такое, какимъ представляетъ себѣ его Трейчке. По его мнѣнію, государство αὐταρκής въ томъ смыслѣ, которое давали этому слову греки: оно должно быть самодовлѣющимъ. Оно нуждается и должно нуждаться только въ себѣ, чтобы существовать и отстаивать свое существованіе; это—абсолютная величина. Его воля, созданная, чтобы повелѣвать, никому не повинуется какъ только самой себѣ. Густавъ Адольфъ говаривалъ: «Я надъ собою ничего не признаю, кромѣ Бога и меча побѣдителя». Эта гордая формула,—говоритъ Трейчке,—совершенно приложима къ государству. И то, главенство Бога тутъ допущено только для формы. Въ итогѣ: «самая сущность государства требуетъ, чтобы не было силы выше его» [2]). Всякое превосходство, даже кажущееся, ему невыносимо; оно не можетъ даже допустить, чтобы другая воля утверждала себя противъ него: кто пытается производить на него давленіе, тотъ отрицаетъ его главенство. Оно не можетъ уступить никакому внѣшнему принужденію, не роняя и не ослабляя себя. Конкретный примѣръ лучше всего выяснитъ смыслъ и значеніе этихъ формулъ. Всѣмъ памятно, какъ во время марокканскаго вопроса императоръ Вильгельмъ II послалъ въ Агадиръ канонерскую лодку. Это былъ до извѣстной степени угрожающій способъ напомнить Франціи, что Германія не намѣрена оставаться равнодушной къ марокканскимъ дѣламъ. Если бъ Франція въ эту минуту отвѣтила на эту угрозу посылкой туда же, рядомъ съ «Пантерой», одного изъ своихъ судовъ, это простое утвержденіе своихъ правъ было бы принято Германіей за вызовъ, и война, навѣрное, загорѣлась бы. Ибо государство—существо въ высшей степени обидчивое, даже подозрительное; оно не можетъ достаточно дорожить своимъ престижемъ. Какъ ни священна въ нашихъ глазахъ человѣческая личность, мы не допустимъ, чтобы человѣкъ мстилъ кровью за простое нарушеніе этикета. Государство же, напротивъ, должно относиться къ малѣйшему уколу самолюбія, какъ къ серьезному оскорбленію. «Обвинять госу-

---

[1]) Politik I стр. 37.

[2]) Das Wesen des Staates besteht darin dass es keine höhere Gewalt über sich dulden kann. (Тамъ же).

дарство въ слишкомъ повышенномъ чувствѣ чести значитъ не понимать вовсе моральныхъ законовъ политики, — говоритъ Трейчке.—Чувство чести должно быть въ высшей степени развито у государства, если оно не хочетъ измѣнить своей сущности. Государство не фіалка, которая цвѣтетъ только въ тѣни: его могущество должно гордо выступать въ полномъ свѣтѣ, оно не можетъ быть оспариваемо, даже въ символической формѣ. Если знамя было поругано, то его долгъ потребовать удовлетворенія и, если оно его не получитъ, *объявить войну, какъ бы ничтоженъ ни казался поводъ. Ибо оно обязано требовать уваженія соотвѣтственно мѣсту, которое оно занимаетъ между націями*».

Единственныя ограниченія, допустимыя для государства,— тѣ, которыя оно само на себя принимаетъ, связывая себя договорами по отношенію къ другимъ державамъ. Тогда, по крайней мѣрѣ, можно думать, что его сдерживаютъ взятыя на себя обязательства? Отнынѣ, казалось бы существуетъ и нѣчто другое, съ чѣмъ оно должно считаться, кромѣ себя: вѣдь оно зависитъ отъ заключеннаго союза? Нѣтъ, эта зависимость только кажущаяся; цѣпи, которыя оно на себя наложило, скованы его волею и потому остаются подчиненными его же волѣ. Онѣ его связываютъ лишь постольку, поскольку оно продолжаетъ съ ними мириться. Договоры, по случаю которыхъ эти обязательства возникли, преслѣдовали извѣстную цѣль; изъ-за этой цѣли оно на нихъ соглашалось. Перемѣнись эта цѣль—и оно свободно. И такъ какъ оно одно властно и безконтрольно рѣшаетъ, измѣнилась ли цѣль или осталась той же,—обязательность подписанныхъ имъ контрактовъ зависитъ исключительно отъ того, какъ въ каждую данную минуту оно оцѣниваетъ обстоятельства и свои выгоды. Оно можетъ также съ полнымъ правомъ отъ нихъ отказаться, т.-е. ихъ нарушить, когда и какъ ему угодно.

«Всѣ международные договоры заключаются только съ слѣдующимъ условіемъ: rebus sic stantibus (пока обстоятельства не измѣнились). Государство не можетъ связать свою волю по отношенію къ другому государству на будущее время. Надъ государствомъ нѣтъ судьи, такъ что всѣ его договоры заключа-

[1]) „Mag der Anlass noch so kleinlich erscheinen". II, стр. 550.

ются съ этой молчаливой оговоркой. Это подтверждается слѣдующей истиной, которая будетъ держаться, пока вообще существуетъ международное право: какъ скоро война вспыхнула, договоры между воюющими сторонами перестаютъ существовать. Между тѣмъ, каждое государство, поскольку оно обладаетъ верховною властью, пользуется полнымъ правомъ объявить войну, когда ему угодно. Стало быть, каждое государство можетъ, когда угодно, отказаться отъ заключенныхъ договоровъ... Итакъ ясно, что если международные договоры ограничиваютъ волю государства—эти ограниченія вовсе не абсолютны» [1]).

Въ договорахъ между частными лицами есть извѣстная нравственная сила, подчиняющая волю договаривающихся сторонъ. Но это неприложимо къ договорамъ международнымъ, ибо ничего не стоитъ выше воли государства. Это считается не только, когда контрактъ былъ навязанъ насильно, послѣ войны, но и тогда, когда онъ былъ заключенъ добровольно. Во всякихъ, какихъ бы то ни было случаяхъ, «государство оставляетъ за собою право судить о размѣрѣ своихъ договорныхъ обязательствъ» [2]). Этотъ принципъ можетъ шокировать юристовъ, судей и адвокатовъ; но «исторію нельзя оцѣнивать съ точки зрѣнія судей въ гражданскихъ процессахъ» [3]). Это точка зрѣнія филистерская, на которую не можетъ становиться ни историкъ, ни государственный дѣятель [4]).

Тѣмъ болѣе недопустимо, чтобы государство терпѣло юрисдикцію международнаго суда—изъ кого бы онъ ни состоялъ. Подчиниться приговору судьи значитъ поставить себя въ состояніе зависимости, несовмѣстимое съ понятіемъ верховной власти. Кромѣ того, въ вопросахъ жизненныхъ, каковы бываютъ вопросы, поднимающіе государства другъ на друга, нѣтъ иностранной державы, которая могла бы судить безпристрастно. «Если бы мы рѣшились на глупость сдѣлать изъ эльзасскаго вопроса вопросъ открытый, предоставляя третейскому суду право его рѣшить—неужели кто-нибудь серьезно повѣритъ, что нашелся бы безпристрастный третейскій судья?» [1]). Да при-

---

[1]) I, стр. 37—38.
[2]) I, стр. 102.
[3]) II, стр. 550.
[4]) I, стр. 102—103.
[5]) I, 38.

томъ,—прибавляетъ Бернгарди [2]),—«во имя какого права судья вынесетъ приговоръ? Сошлется ли онъ на чувство справедливости, кроющееся въ тайникахъ нашей совѣсти? Но всякій знаетъ, до чего оно неопредѣленно, невѣрно и расплывчато. Оно принимаетъ разныя формы отъ одной личности къ другой, отъ одного народа къ другому. Будетъ ли онъ опираться на установленное международное право? Но мы только что видѣли, какъ само это право покоится на шаткихъ соглашеніяхъ, отъ которыхъ государство можетъ законно отречься по желанію. Оно служитъ выраженіемъ взаимнаго положенія государствъ, въ данный моментъ, которое находится въ безпрерывномъ процессѣ измѣненія и такимъ образомъ предоставляетъ свободное мѣсто всякимъ личнымъ и національнымъ предразсудкамъ. Словомъ, международный судъ предполагаетъ твердо установленное международное право, составленное изъ безличныхъ, повелительныхъ, всѣми принимаемыхъ нормъ, которыхъ никакая частная совѣсть не станетъ оспаривать,—а такое международное право не существуетъ».

Государство обязано передъ самимъ собою собственными силами рѣшать вопросы, въ которыхъ, по его мнѣнію, замѣшаны существенные его интересы. Война есть такимъ образомъ единственная форма процессовъ, которую оно можетъ признавать, и «доказательства, которыя пускаются въ ходъ въ этихъ страшныхъ процессахъ, обладаютъ силою безмѣрно болѣе принудительною, чѣмъ употребляемыя въ обычномъ нашемъ судопроизводствѣ» [1]). Вотъ почему, пока между государствами будутъ возникать различнаго рода соревнованія, соперничество и антагонизмъ, война останется неизбѣжнымъ зломъ. Законы конкуренціи управляютъ государствами еще болѣе, чѣмъ отдѣльными личностями, потому что въ отношеніяхъ народовъ между собою она не ослабляется ни обоюдной симпатіей, ни общностью культуры, ни приверженностью къ общему идеалу. Безъ войны государство даже немыслимо. Оттого право воевать, когда ему вздумается, и составляетъ преимущественный аттрибутъ его верховной власти. Этимъ-то правомъ оно отличается отъ всѣхъ другихъ человѣческихъ группировокъ.

---

[1]) „Наша будущность“, гл. V.
[2]) I, стр. 73.

Когда государство уже болѣе не въ состоянiи браться за мечъ, когда оно того хочетъ,—оно уже больше не заслуживаетъ имени государства. «Можно еще, изъ приличiя, вѣжливости, любезности, величать его королевствомъ, но наука, первый долгъ которой говорить истину, должна заявить безъ обиняковъ, что такая страна перестала быть государствомъ... Въ этомъ какъ разъ прусская корона отличается отъ остальныхъ нѣмецкихъ государствъ. Одинъ только прусскiй король уполномоченъ объявлять войну. Значитъ, Пруссiя не лишилась своей верховной власти, какъ остальныя государства» [1]).

Война не только неизбѣжна, она къ тому же и нравственна и свята. Она свята, потому что является необходимымъ условiемъ существованiя государствъ, а безъ государствъ человѣчество не можетъ жить. «Внѣ государства, человѣчество не можетъ дышать» [2]). Но она свята еще и потому, что бываетъ источникомъ высшихъ нравственныхъ добродѣтелей. Она учитъ людей побѣждать свой естественный эгоизмъ; она ихъ поднимаетъ до величiя высшей жертвы,—жертвы самимъ собою. Ею частныя воли, вмѣсто того, чтобы разсѣиваться въ погонѣ за мелкими цѣлями, сосредоточиваются для достиженiя великихъ дѣлъ, и «маленькая единица каждой личности стушевывается и исчезаетъ въ обширныхъ перспективахъ, обнимаемыхъ мыслью государства». Благодаря ей, «человѣкъ вкушаетъ радость прiобщенiя ко всѣмъ своимъ соотечественникамъ, ученымъ ли, простакамъ ли, сливается съ ними въ одномъ общемъ чувствѣ; и тотъ, кто хоть разъ вкусилъ этого счастья,—никогда не забываетъ, сколько въ немъ сладости и утѣшенiя». Словомъ, война неразрывно связана съ «политическимъ идеализмомъ», увлекающимъ человѣка къ тому, чтобы превзойти себя. Миръ же, напротивъ,—«царство матерiализма»; это—торжество личной выгоды надъ духомъ преданности и самоотверженiя, торжество жизни мелкой и вульгарной надъ жизнью благородной. Это «лѣнивый» [3]) отказъ отъ великихъ цѣлей и благороднаго честолюбiя. Идеалъ вѣчнаго мира не

---

[1]) I, стр. 39—40.
[2]) I, стр. 115.
[3]) „Der faule Friedenszustand“ I стр. 59).

только недостижимъ: онъ—безнравственный идеалъ [1]), «сущее проклятіе» [2]). «Не есть ли въ самомъ дѣлѣ отреченіе отъ нравственности это желаніе вычеркнуть героизмъ изъ природы человѣчества?» Призывать противъ войны принципы христіанства—безсмыслица: Библія подчеркиваетъ, что власть обязана прибѣгать къ мечу. Оттого «мечту о вѣчномъ мирѣ лелѣяли всегда эпохи усталыя, безъ силы, безъ воодушевленія». Такъ было, напримѣръ, послѣ Утрехтскаго трактата, послѣ Вѣнскаго контресса. По словамъ Трейчке, въ то время, когда онъ это писалъ, Германія переживала подобную эпоху. Но,—прибавляетъ онъ,—можно быть увѣреннымъ, что она долго не продлится. «Живой Богъ позаботится о томъ, чтобы война, это страшное лекарство, въ которомъ нуждается человѣчество,—постоянно возобновлялась» [3]).

Государство есть мощь. Упраздненіе маленькихъ государствъ. Скажемъ вкратцѣ: государство есть существо крайне властное и честолюбивое, не сносящее и малѣйшаго подчиненія, даже кажущагося. Оно можетъ считаться самостоятельнымъ, лишь поскольку оно свободно отъ всякихъ вліяній извнѣ. Но чтобы быть въ состояніи играть эту роль, чтобы сдерживать поползновенія къ захвату, чтобы навязывать свою волю, не подчиняясь ничьей чужой волѣ, ему нужны могучія средства, активность. Слабое государство естественно подпадаетъ подъ зависимость и, теряя полноту своей власти, перестаетъ быть государствомъ. Изъ этого слѣдуетъ, что самую сущность государства составляетъ именно могущество. Der Staat ist Macht. Эта формула, которая постоянно возвращается подъ перомъ Трейчке, проходитъ красною нитью черезъ все его ученіе.

Составляетъ это могущество прежде всего физическая сила націи,—армія. Такимъ образомъ, армія занимаетъ между всѣми общественными учрежденіями совсѣмъ особое мѣсто. Это не только служба первѣйшей важности, это—краеугольный камень общества; это—«воплощенное государство» [4]). Если допу-

---

[1]) Dass der Gedanke des ewigen Friedens ... ein unsittliches Ideal ist, haben wir schon erkannt.

[2]) Der Unsegen des Friedens.

[3]) I, стр. 76. Всѣ цитаты, не имѣющія спеціальныхъ выносокъ, почерпнуты изъ страницъ 72—76, I тома.

[4]) II, стр. 361.

стить, вмѣстѣ съ Трейчке и современной Германіей, что война—такое святое дѣло, то, понятно, армія, органъ войны, не можетъ не быть причастной къ этой святости. Конечно, не достаточно многочисленнаго и сильно организованнаго войска, чтобы обезпечить могущество государства. Нужно еще, чтобы его политикой, «насильственная форма которой и есть война», руководили люди съ умомъ яснымъ и справедливымъ, съ энергичной волей, сознающіе цѣль, къ которой они должны стремиться и обладающіе выдержкой въ достиженіи ея. Нужно также и солдатамъ нравственныя увлеченія, военная добродѣтель, безъ которой численность и техника, самая ученая,—ничто. Могущество государства основывается, слѣдовательно, на истинно нравственныхъ качествахъ. Но эти качества не должны цѣниться сами по себѣ: это только средства, которыя должны дать арміи ея высшую степень дѣйственности, потому что государство реализируетъ свою внутреннюю сущность посредствомъ арміи. Вотъ самый принципъ милитаризма [2]).

Были, правда, государства, которыя предпочли искать величія и славы въ искусствахъ, литературѣ, наукѣ, но тогда они измѣняли самому основному закону своей природы и дорого поплатились за свою ошибку. «Въ этомъ отношеніи вдумчивому мыслителю всемірная исторія представляетъ зрѣлище строго карающаго возмездія. Мечтатель можетъ жалѣть о томъ, что Аѳины, съ ихъ утонченной культурой, пали передъ Спартой, Греція—передъ Римомъ, что Флоренція, несмотря на свою высокую моральную культуру, не выдержала борьбы съ Венеціей. Но серьезный мыслитель понимаетъ, что такъ и должно было быть. Это было дѣломъ внутренней необходимости. Государство не академія искусствъ. Когда оно жертвуетъ своимъ могуществомъ въ пользу идеальныхъ стремленій человѣчества, оно противорѣчитъ себѣ и идетъ къ гибели. Назначеніе государства не думать, не изобрѣтать новыя идеи, а дѣйствовать. Германія обязана своимъ существованіемъ не Фихте и Павлу Пфиперу, а Вильгельму I-му и Бисмарку. Великіе политическіе мыслители имѣютъ свою долю славы, но настоящіе герои исторіи это—«люди дѣла». Основатели государствъ не геніи, въ

---

[1]) II, стр. 354—363.
[2]) I, стр. 34.

интеллектуальномъ смыслѣ слова. Въ императорѣ Вильгельмѣ ничего не было геніальнаго, но это былъ человѣкъ съ сильной и спокойной волей. И сила его была въ силѣ характера [1]).

Но если государства опредѣляются только могуществомъ, то они заслуживаютъ названія государствъ, только если они дѣйствительно сильны. Маленькія страны, тѣ, которыя не могутъ ни защищаться, ни просуществовать собственными силами,—не настоящія государства, такъ какъ они обязаны своимъ существованіемъ терпимости великихъ державъ. Ихъ верховная власть есть и можетъ быть только номинальной. Это особенно вѣрно о нейтральныхъ государствахъ, какъ-то: Бельгія, Голландія и Швейцарія. Ихъ независимость оберегается дѣйствительно только международными конвенціями, шаткость которыхъ намъ извѣстна. Если одна изъ договаривающихся сторонъ придетъ къ заключенію, что договоры больше не отвѣчаютъ новому соотношенію между великими державами, она имѣетъ право ихъ нарушить. Невольнымъ пропускомъ Трейчке выдаетъ намъ свою мысль, что автономія Бельгіи и Голландіи не соотвѣтствуетъ болѣе настоящему состоянію Европы: онъ говоритъ о Швейцаріи, но о ней одной: «Пока не произойдетъ въ обществѣ государствъ крупной перемѣны, Швейцарія можетъ разсчитывать на долгое существованіе» [2]). Молчаніе, которое онъ хранитъ о двухъ остальныхъ нейтральныхъ государствахъ, знаменательно. Въ другихъ, впрочемъ, мѣстахъ онъ открыто говоритъ про Голландію, что нормальный ходъ событій долженъ вернуть ее въ лоно «стараго нѣмецкаго отечества», что это возвращеніе «въ высшей степени желательно» [3]), что Германія «нуждается въ Голландіи какъ въ насущномъ хлѣбѣ» [4]). Что касается Швейцаріи, она предупреждена, что право на существованіе ей дается только условно,—слѣдовательно, и временно: только rebus sic stantibus; при нынѣшнемъ положеніи вещей угроза, стало быть, только отложена.

Вообще, Трейчке говоритъ о маленькихъ государствахъ только съ презрѣніемъ, называя ихъ непереводимымъ словомъ:

---

[1]) I, стр. 34.

[2]) I, стр. 42.

[3]) Dass aber wenigstens Holland noch einmal zum alten Vaterland zurückkehrt ist... dringend zu wünschen I, стр. 128.

[4]) I, стр. 218.

die Kleinstaaterei. «Въ самомъ понятіи маленькаго государства лежитъ несомнѣнно нѣчто, вызывающее улыбку. Сама по себѣ слабость нисколько не смѣшна, но слабость, принимающая замашки силы,— совсѣмъ другое дѣло» [1]). Мысль о государствѣ связана съ идеей могущества; слабое государство, слѣдовательно, является внутреннимъ противорѣчіемъ. Безграничная гордость—вотъ обязательная государственная добродѣтель. «А настоящая національная гордость, признакъ нравственной цѣнности народа, можетъ развиться только въ большихъ государствахъ» [2]). Широкія перспективы, открывающіяся тамъ личности, развиваютъ «міровое чувство» (Weltsinn). Нельзя уже мириться съ слишкомъ узкими рамками, чувствуется потребность въ просторѣ. Особенно въ этомъ духѣ дѣйствуетъ обладаніе морями. «Свободное море освобождаетъ духъ». Маленькое государство, напротивъ, все мѣритъ по своему аршину. Въ немъ развивается узко-мѣщанское настроеніе, настроеніе глубокаго убожества (eine bettelhafte Gesinnung); съ государствомъ считаются только въ связи со взимаемыми имъ податями. «Отсюда получается матеріализмъ, который имѣетъ на чувство гражданъ самое плачевное вліяніе»[1]).

Трейчке приходитъ такимъ образомъ къ заключенію, что существованіе маленькихъ государствъ есть пережитокъ стараго времени, не имѣющій теперь разумнаго основанія. По его мнѣнію, въ природѣ вещей, чтобы они исчезли: судьбою имъ предназначено быть поглощенными великими государствами. И такъ какъ титуломъ великаго государства пользуются только пять державъ (Италія представлена какъ только готовящаяся войти въ аристократическій кругъ великихъ европейскихъ народовъ) [1]), то легко себѣ представить, чѣмъ стала бы карта Европы, если бы замыслы Трейчке, а теперь и всей современной Германіи, когда-нибудь сбылись.

---

[1]) I, стр. 43.

[2]) I, стр. 44—45,

[3]) I, стр. 43. Трейчке хочетъ этимъ сказать, что въ маленькихъ странахъ самымъ лучшимъ правительствомъ считаютъ то, которое дешевле всего обходится и поэтому взимаетъ какъ можно меньше налоговъ. Теряютъ изъ виду, прибавляетъ онъ, что государство, какъ яичная скорлупа, защищаетъ, но производя извѣстное давленіе.

[4]) Italien ist nahe daran hineinzukommen (I, стр. 42).

Глава II.

Государство стоитъ выше нравственности.

Но есть вещь, которая обыкновенно ставится выше государства: это—нравственность. Конечно, нравственность составлена изъ идей; но это—силы, которыя двигаютъ людьми и подчиняютъ ихъ. Подвергнуто ли также государство ихъ дѣйствію или оно можетъ законно сбросить ихъ иго? Если оно имъ подвластно, то его верховной власти поставлены границы, которыя оно не можетъ самовольно раздвинуть. Если же нравственность не имѣетъ надъ нимъ власти, то нужно признаться, что въ немъ нѣтъ ничего человѣческаго.

Трейчке подходитъ къ этому вопросу и обсуждаетъ его со странною смѣсью смущенія и безстрашія. И подъ конецъ безстрашіе беретъ верхъ.

Нравственность служитъ для государства средствомъ. Въ XVI вѣкѣ одинъ мыслитель не побоялся утверждать, что государство неподсудно законамъ нравственной совѣсти и не должно признавать никакихъ другихъ законовъ, кромѣ своей выгоды. Это—Маккіавелли. Уже нѣсколько столѣтій, его ученіе, плодъ глубоко испорченныхъ временъ и среды, подвергалось всеобщему осужденію. Его имя сдѣлалось синонимомъ политической безчестности. Даже Фридрихъ II, не отличавшійся излишней разборчивостью, написалъ въ юности своего «Анти-Маккіавелли». Это всеобщее осужденіе кажется нѣмецкому историку неосновательнымъ, и онъ открыто берется за реабилитацію маккіавеллизма.

Что Маккіавелли не пользовался одобреніемъ мечтателей

XVIII вѣка, этихъ «господъ филантроповъ по спеціальности», вся радость которыхъ состояла въ томъ, чтобы «раскуривать трубку мира» [1]),—это совершенно естественно, и отчасти объясняетъ, почему Фридрихъ Великій былъ несправедливъ къ великому флорентійцу. Но, въ сущности, онъ былъ однимъ изъ предвѣстниковъ новѣйшихъ временъ, «онъ первый высказалъ мысль, что когда дѣло идетъ о спасеніи государства, не приходится разбирать безупречность употребляемыхъ средствъ. Спасите сначала государство, а потомъ всякій похвалитъ средства, къ которымъ вы прибѣгали» [2]). Онъ первый освободилъ государство отъ церкви и провозгласилъ основной принципъ всякой политической жизни: государство есть мощь, Der Staat ist Macht [3]).

Однако Трейчке, принимаясь за маккіавеллизмъ, старается, посредствомъ нѣкоторыхъ уступокъ, сдѣлать его болѣе пріемлемымъ для современной совѣсти.

Онъ не говоритъ, что вообще государство не должно считаться съ моралью. Напротивъ: «очевидно, что государство, одно изъ назначеній котораго—способствовать воспитанію человѣчества, должно повиноваться нравственному закону». Читая эти строки, можно подумать, что принципъ политической безнравственности этимъ самымъ отвергнутъ. На самомъ же дѣлѣ, толкованіе тутъ совершенно иное. Дальше мы читаемъ:

«Какъ легкомысленны тѣ, которые утверждаютъ, что благодарность и великодушіе не политическія добродѣтели... Просмотрите мирный трактатъ 1866 г. (съ Австріей). Никогда никакое государство не заключало послѣ блестящей побѣды болѣе великодушнаго мира. Мы даже не взяли у Австріи ни единой деревни, хотя нашимъ силезскимъ соотечественникамъ и хотѣлось имѣть по крайней мѣрѣ Краковъ, точку скрещиванія нѣсколькихъ путей сообщенія. Но для того, чтобы сдѣлать возможнымъ въ будущемъ союзъ между обѣими державами, не надо было прибавлять къ горечи пораженія новыхъ униженій. Это былъ актъ великодушія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ловкій маневръ».

---

[1]) I, стр. 93.
[2]) I, стр. 89.
[3]) I, стр. 90.

Стало быть, если государство должно уважать нравственность, то это не потому, что въ его глазахъ она достойна уваженія сама по себѣ, а потому, что ему выгодно ее уважать. Если безнравственная политика предосудительна, то это не потому, что она безнравственна, а потому, что она «неполитична». [1]).

Если государство и можетъ при случаѣ примѣнять такія добродѣтели, какъ великодушіе и благодарность, «то исключительно только тогда, когда онѣ не идутъ въ разрѣзъ съ главными цѣлями политики». Въ иныхъ же случаяхъ онѣ бываютъ ошибками. «Въ 1849 году всѣ престолы маленькихъ нѣмецкихъ государей были поколеблены. Фридрихъ-Вильгельмъ IV ввелъ свои войска въ Саксонію и Баварію [2]) и возстановилъ въ нихъ порядокъ, что было очень похвально. Но вотъ далѣе какой смертный грѣхъ онъ совершилъ. Развѣ пруссаки явились туда только для того, чтобы пролить свою драгоцѣнную кровь за королей саксонскихъ и баварскихъ? Пруссія должна была бы получить отъ этого похода какую-нибудь настоящую прибыль. Князьки были въ ея рукахъ. Слѣдовало бы оставить тамъ войска, пока всѣ они не покорились бы новой Германской Имперіи. Вмѣсто этого король просто отозвалъ свои войска, и тогда малыши, спасенные имъ, надъ нимъ посмѣялись... Кровь прусскаго народа была пролита даромъ» [3]).

Великіе государственные люди обыкновенно замѣчательно откровенны также изъ ловкости. «Когда Фридрихъ Великій предпринималъ войну, онъ всегда заранѣе, съ величайшей точностью, говорилъ, куда онъ мѣтитъ. И хотя онъ нѣсколько не стѣснялся прибѣгать къ хитрости, но въ общемъ правдивость была одной изъ выдающихся чертъ его характера. И Бисмаркъ, хотя и бывалъ въ подробностяхъ и ловокъ и

---

[1]) I, стр. 96.

[2]) I, стр. 103.

[3]) Тамъ разыгралось возстаніе. Это было послѣ роспуска Франкфуртскаго Парламента, предложившаго Фридриху Вильгельму IV императорскую корону. Онъ отказался отъ нея, потому что хотѣлъ, чтобы она ему была поднесена не парламентомъ, а германскими князьями, тогда какъ имъ этого не хотѣлось.

[4]) I, стр. 101.

хитеръ, но въ общемъ отличался солидной, тяжеловѣсной откровенностью (massive Offenheit), которая оказывала ему большія услуги. Ибо маленькіе дипломаты всегда думали обратное, когда онъ совершенно откровенно говорилъ, чего хотѣлъ» [1]).

Единственная обязанность государства это быть сильнымъ. Но хотя это счастливое совпаденіе между требованіями нравственности и интересами государства и встрѣчается довольно часто, однако оно вовсе не обязательно. Что же дѣлать, когда они другъ другу противорѣчатъ?

Противорѣчіе это было бы неразрѣшимо, если бы дѣйствительно христіанская мораль была какимъ-то незыблемымъ кодексомъ, составленнымъ изъ непреклонныхъ правилъ, одинаково обязательныхъ для всѣхъ. Но, по его мнѣнію, въ христіанствѣ вовсе нѣтъ такого кодекса. Оно, будто бы, вопреки восточнымъ религіямъ, не признаетъ классификаціи человѣческихъ поступковъ, разъ навсегда, на добрые и злые; и его превосходство, его настоящая оригинальность и состоитъ въ провозглашеніи того, что каждый долженъ составить себѣ свою собственную мораль, по своей собственной мѣркѣ. «Всякій хорошо понимаетъ, что христіанинъ долженъ развивать свою личность, хорошенько знать себя и дѣйствовать сообразно съ этимъ знаніемъ. Настоящая христіанская нравственность не прилагаетъ одинаковой мѣрки къ каждому. Она учитъ: Si duo faciunt idem, non est idem [2]). Наградила ли васъ щедрость Божья художественными способностями, вашъ долгъ, какъ только вы это сознаете, развивать ихъ прежде всего, оставляя другія обязанности въ тѣни. Нельзя, конечно, выйти изъ такого положенія безъ нравственной борьбы, безъ тяжкой отвѣтственности это ужъ удѣлъ человѣческой немощи. Но въ концѣ-концовъ самое важное—то, позналъ ли каждый свое настоящее дарованіе и достигъ ли въ немъ наивысшей точки доступнаго ему совершенства» [3]).

Это толкованіе христіанской нравственности, конечно, не

---

[1]) I. стр. 96.

[2]) **Тотъ же поступокъ, совершенный двумя различными людьми, не будетъ одинаковъ въ обоихъ случаяхъ.**

[3]) I, стр. 99—100.

можетъ не удивить. Говорить, что для христіанства нѣтъ поступковъ объективно добрыхъ или злыхъ, значитъ возвращаться къ теоріи, которою такъ часто попрекали іезуитовъ и по которой вся нравственная цѣнность поступка лежитъ въ намѣреніяхъ совершающаго его. Говорить, что единственная цѣль христіанина—развивать свою личность, значитъ отрицать, что первый долгъ каждаго христіанина—отвергать себя, жертвовать собою во имя высшей цѣли. Очевидно, это богословское толкованіе, довольно, впрочемъ, скудное, фигурируетъ только въ видѣ аргумента. Главная же цѣль въ томъ, чтобы приспособить мораль къ тому, чтобы государство могло ее использовать для своихъ цѣлей. И, дѣйствительно, разъ такой принципъ поставленъ, все остальное изъ него вытекаетъ.

Для личности и для государства не можетъ быть одинаковой мѣрки,—онѣ существенно разны. «Нужно дѣлать тщательное различіе между личною нравственностью и общественной. Для государства и для частныхъ лицъ не можетъ быть одинаковой лѣствицы обязанностей. На отдѣльной личности лежитъ цѣлая серія обязательствъ, которая государства нисколько не касается». Сущность его—могущество; слѣдовательно, его обязанность въ томъ, чтобы развивать присущіе ему задатки могущества. «Утверждать себя—вотъ во всѣхъ случаяхъ его главнѣйшій долгъ; вотъ что для него составляетъ абсолютное добро. По той же причинѣ мы можемъ, не колеблясь, сказать, что изъ всѣхъ грѣховъ худшій, самый презрѣнный—это грѣхъ слабости [1]). Въ частной жизни есть мѣсто для извинительныхъ сантиментальностей. Когда же дѣло идетъ о государствѣ, не можетъ быть рѣчи объ извиненіи. Оно—сила, и если оно измѣняетъ своей природѣ, то нѣтъ достаточныхъ словъ, чтобы его осудить» [2]). «Личность,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Трейчке,—должна принести себя въ жертву одной изъ коллективностей, къ которымъ принадлежитъ Высшая изъ человѣческихъ коллективностей, это—госу-

---

[1]) Интересно отмѣтить, съ какою легкостью Трейчке примѣняетъ къ политическимъ ошибкамъ религіозные термины: грѣхъ, смертный грѣхъ, грѣхъ противъ Духа Святаго. Это тѣмъ болѣе знаменательно, что Трейчке былъ скорѣе свободомыслящимъ, долго даже былъ freisinnig.

[2]) I, стр. 101.

дарство... Слѣдовательно, нѣтъ высшей цѣли, для которой христіанская жертва собою могла бы быть принесена, такъ какъ на всемъ протяженіи исторіи ничего не найдется выше государства» [1]).

Итакъ, о человѣчествѣ, обязанностяхъ, которыя государство могло бы имѣть по отношенію къ нему,—ни слова. Оно (государство)—самодовлѣющая цѣль, и внѣ его нѣтъ ничего, чего оно должно бы добиваться. Вотъ логическое обоснованіе знаменитой формулы, которой въ Германіи учатъ самыхъ маленькихъ дѣтей: Deutschland über Alles. Для нѣмца нѣтъ ничего выше германскаго государства. Единственная обязанность государства, это—расширять свое мѣсто на бѣломъ свѣтѣ, елико возможно, попирая всѣхъ соперниковъ. Это рѣшительное исключеніе всякаго другого идеала дѣйствительно чудовищно. Кто же споритъ о томъ, что мораль государства не такъ-то проста и что передъ государствомъ часто встаютъ столь противорѣчивыя обязанности, что оно не можетъ между ними сдѣлать выбора безъ болѣзненной борьбы? Но просто-напросто вычеркнуть человѣчество изъ списка нравственныхъ цѣнностей, съ которыми оно должно считаться; но всѣ усилія, прилагавшіяся христіанскими обществами, въ теченіе 20 вѣковъ, чтобы осуществить хоть малую каплю этого идеала, свести на смарку,—это историческій соблазнъ, равно какъ и нравственный. Это—возвратъ къ языческой нравственности. Даже болѣе того: ибо греческіе мыслители давнымъ давно переросли такое пониманіе; это—возвратъ къ римской морали, къ морали племенной, когда человѣчество не простиралось далѣе предѣловъ племени или городской общины [2]).

Въ этой морали мы, конечно, не можемъ узнать той, къ которой привыкли. Нравственность для насъ, т.-е. для всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, прошедшихъ школу христіанства, стремится прежде всего къ тому, чтобы осуществить истинную человѣчность, освободить человѣчество отъ унижающаго его рабства, сдѣлать его болѣе любящимъ, братскимъ. Говорить, что государство должно оставаться глухимъ къ этимъ вели-

[1]) I, стр. 100.
[2]) Вильгельму приписываютъ слѣдующія слова: «Для меня человѣчество кончается у Вогезъ».

кимъ общечеловѣческимъ интересамъ,—значитъ ставитъ его внѣ и надъ моралью. Да Трейчке и признаетъ самъ, «что политика можетъ сдѣлаться нравственной, только если измѣнится природа морали». «Мораль,—говоритъ онъ,—должна сдѣлаться болѣе политической, чтобы политика могла быть болѣе нравственной». [1]).

Вотъ почему мы съ полнымъ правомъ сказали, что, признавая, повидимому, главенство Божіе надъ государствомъ, Трейчке въ сущности только дѣлаетъ уступку эту для формы. Единственный Богъ, Которому поклоняются нынѣшнія религіи, это не богъ какого-то города или государства, а Богъ человѣческаго рода, Богъ-Отецъ, Законодатель и стража нравственности, обнимающей все человѣчество. Между тѣмъ, идея такого Бога совершенно отсутствуетъ въ духовномъ укладѣ, изучаемомъ нами.

Цѣль оправдываетъ средства. Но допустимъ, что увеличеніе мощи есть единственная цѣль, которая предлежитъ государству; какимъ принципомъ будетъ оно въ такомъ случаѣ руководиться при выборѣ необходимыхъ къ ея осуществленію средствъ? Всѣ ли ведущія къ цѣли законны, или обыкновенная мораль тутъ вступаетъ въ свои прежнія права?

На этотъ вопросъ Трейчке отвѣчаетъ извѣстнымъ афоризмомъ: цѣль оправдываетъ средства. Онъ только нѣсколько ослабляетъ его. Безъ сомнѣнія, говоритъ онъ, если высказать правило іезуитовъ въ его прямой и рѣзкой формѣ, въ немъ есть нѣчто грубое, оскорбляющее насъ; но что извѣстная доля правды въ немъ кроется, этого никто не станетъ оспаривать. Къ несчастью, въ жизни государствъ, какъ и въ жизни простыхъ смертныхъ, есть безчисленное количество случаевъ, когда употребленіе совершенно чистыхъ средствъ немыслимо. Конечно, если при достиженіи какой-либо нравственной цѣли можно примѣнять только одинаково безупречныя средства, имъ слѣдуетъ отдавать предпочтеніе, хотя бы они и затягивали дѣло и были менѣе удобны [2]). Но въ противномъ случаѣ приходится мириться и съ другими; это вопросъ не существен-

---

[1]) I, стр. 105.
[2]) I, стр. 106.

ный, а чисто-относительнаго характера, вопросъ обстоятельствъ.

Напримѣръ, откровенность въ политикѣ часто есть сила и ловкость. Но это вѣрно только тогда, когда не дѣлаешь изъ этого абсолютнаго правила. «Когда имѣешь дѣло съ народами, стоящими на болѣе низкомъ уровнѣ цивилизаціи, ясно, что слѣдуетъ примѣнять политическія средства, подходящія къ этому уровню. Было бы безуміемъ, если бы историкъ судилъ о европейской политикѣ въ Африкѣ или на Востокѣ по принципамъ, которые въ ходу въ Европѣ. Тамъ, кто не умѣетъ терроризировать, погибъ». И Трейчке приводитъ въ примѣръ англичанъ, которые полвѣка тому назадъ привязывали возставшихъ индусовъ къ отверстію пушекъ, такъ что выстрѣлъ разсѣивать дѣла несчастныхъ на всѣ четыре стороны. Эти страшныя репрессіи, терпимыя тогдашними нравами и осуждаемыя нами, въ томъ числѣ и современными англичанами, Трейчке находитъ естественными и законными. «Разъ владычество англичанъ надъ Индіей считалось ими нравственнымъ и необходимымъ, нельзя порицать употребленныя средства» [1]). Это кажется единственный случай, когда Трейчке похвалилъ англичанъ.

И въ Европѣ бываетъ, что государственный человѣкъ обязанъ прилаживать мораль къ требованіямъ времени и обстоятельствъ. Частенько народы, считающіеся въ мирѣ между собою, находятся фактически въ состояніи «скрытой войны». Другими словами, подъ покровомъ кажущагося мира таится и уже глухо гремитъ, готовясь разразиться, грозная война, и это положеніе можетъ продолжаться очень долго, «цѣлые десятки лѣтъ». «Совершенно ясно, что многія дипломатическія хитрости объясняются только этимъ скрытымъ военнымъ положеніемъ. Вспомните, напримѣръ, переговоры между Бисмаркомъ и Бенедетти. Тогда какъ Бисмаркъ еще надѣялся, что удастся избѣжать большой войны, является Бенедетти съ цѣлымъ спискомъ своихъ безстыжихъ требованій. Не вполнѣ ли естественно и нравственно, что Бисмаркъ его порядочное время забавлялъ полуобѣщаніями, не отнимая у него надежды

[1]) I, стр. 106.

на согласіе Германіи?» [1]). То же можно сказать и о подкупахъ, употребляемыхъ въ подобныхъ случаяхъ противъ другихъ государствъ. Смѣшно шумно возставать противъ такой практики и требовать, чтобы государство ничего не дѣлало иначе, какъ по катехизису» [2]).

Въ итогѣ можно сказать, что политика—трудная работа, которую нельзя дѣлать, сохраняя «совершенно чистыя руки» [3]). Съ чрезмѣрной тонкостью и деликатностью совѣсти она не уживается. «Государственный дѣятель не имѣетъ права спокойно сидѣть и грѣть себѣ руки надъ дымящимися развалинами отечества, утѣшая себя мыслью, что я, дескать, ни разу не солгалъ. Это—добродѣтель монашеская» [4]). Мораль существуетъ для маленькихъ людишекъ, творящихъ маленькія дѣлишки. Но когда стремишься къ великимъ дѣламъ, приходится поневолѣ выходить изъ такихъ рамокъ, которыя она намъ предписываетъ. Дѣйствія широкаго размаха нельзя выливать въ готовыя формы, подходящія всѣмъ и каждому. А государство по самой своей природѣ какъ разъ обязано дѣйствовать и творить въ большомъ масштабѣ.

---

[1]) Дѣло идетъ о переговорахъ послѣ Садовы. Бисмаркъ позволилъ Бенедетти думать, что онъ не воспротивится аннексіи Бельгіи къ Франціи,—и даже добился письменнаго въ этомъ духѣ проэкта. Получивъ документъ, онъ пересталъ объ этомъ говорить, но спряталъ бумагу, съ тѣмъ чтобы скомпрометтировать современемъ Францію. Что онъ и сдѣлалъ въ 1870 году.

[2]) I, стр. 107.

[3]) „Mit ganz reinen Händen".

[4]) I, стр. 110.

Глава III.

Государство стоитъ выше гражданскаго общества.

До сихъ поръ мы изучали роль государства въ его отношеніяхъ къ иностраннымъ государствамъ. Но помимо его международныхъ функцій, у него есть своя роль во внутренней жизни общества. Полезно прослѣдить, какъ, по мнѣнію Трейчке, нужно понимать эту роль: это выяснитъ одну изъ главныхъ чертъ германской психологіи.

Антагонизмъ государства и гражданскаго общества. Въ нашей обычной терминологіи этотъ вопросъ можно выразить слѣдующимъ образомъ: каковы взаимоотношенія между государствомъ и гражданами въ цѣломъ, т.-е. массой націи, или, какъ еще говорятъ, народомъ?

Для демократическаго общества народъ и государство, это— только двѣ стороны одной и той же сущности. Государство, это—народъ, входящій въ сознаніе самого себя, своихъ нуждъ и стремленій, но въ сознаніе болѣе полное, ясное. Германія, напротивъ, видитъ между этими двумя необходимыми элементами всякой національной жизни существенную разницу и даже извѣстнаго рода противорѣчіе.

Для обозначенія того, что мы называемъ народъ, когда противопоставляемъ его государству, Трейчке, а съ нимъ и цѣлый рядъ нѣмецкихъ теоретиковъ, предпочитаютъ выраженіе гражданское общество (die bürgerliche Gesellschaft). Гражданское общество обнимаетъ все, что въ націи не принадлежитъ непосредственно къ государственному строю: семью, торговлю, промышленность, религію (тамъ, гдѣ она не служитъ

государственнымъ рычагомъ), науку, искусство. Всѣ эти виды дѣятельности имѣютъ тотъ общій характеръ, что мы ихъ избираемъ сами собой, совершенно непосредственно. Они порождаются естественными наклонностями человѣка. Мы сами отъ себя основываемъ семью, любимъ нашихъ дѣтей, стараемся удовлетворить ихъ матеріальныя нужды, какъ и наши, ищемъ истины, переживаемъ художественныя наслажденія. Тутъ цѣлая жизнь родится и развивается безъ всякаго вмѣшательства въ нее государства.

Но потому самому, что мы на всѣ эти занятія бываемъ движимы частными причинами, они не направлены къ одной и той же цѣли. У всякой семьи, всякаго рода промышленности, всякаго промышленника, у всякаго религіознаго вѣроисповѣданія, у всякой школы научной, философской или артистической, у всякаго ученаго, философа, художника есть свои собственные интересы и свой собственный способъ достиженія ихъ. Гражданское общество представляетъ собою мозаику личностей и группъ, преслѣдующихъ разныя цѣли, и въ томъ цѣломъ, которое онѣ составляютъ, такимъ образомъ, нѣтъ единства. Многочисленныя отношенія, что завязываются отъ одной личности къ другой, отъ одной группы къ другой, не образуютъ естественно организованной системы. Происходящій отсюда аггрегатъ не есть организмъ, не есть личность: это—лишь безсвязная масса разношерстныхъ элементовъ. «Гдѣ общій органъ гражданскаго общества? Его нѣтъ. Всякій можетъ видѣть, что гражданское общество не есть нѣчто опредѣленное и конкретное, подобно государству. Государство обладаетъ единствомъ; такимъ мы его знаемъ, это не мистическая личность. Гражданское же общество не имѣетъ никакого единства воли» [1]).

Многія школы нѣмецкихъ ученыхъ (такъ Niebuhr, Savigny, Latzarus и Steinthal) правда, приписывали самой націи (независимо отъ идеи государства) нѣкую народную душу (die Volksseele) и, слѣдовательно, личность. Будто бы народъ, ужъ тѣмъ самымъ, что онъ составляетъ народъ, отличается извѣстнымъ умственнымъ и нравственнымъ темпераментомъ, харак-

---

[1]) I, стр. 54.

теромъ, оказывающимся во всѣхъ его мысляхъ и дѣйствіяхъ, и въ образованіи котораго государство не участвуетъ. Эта народная душа будто сказывается въ литературныхъ памятникахъ, эпопеяхъ, миѳахъ, легендахъ и т. д., не принадлежащихъ какому-нибудь извѣстному автору, не обладающихъ внутреннимъ единствомъ, какъ частныя творенія. Отсюда будто бы происходятъ и многочисленныя нормы обычнаго права, эти первичныя правовыя образованія, которыя государство впослѣдствіи воспринимаетъ въ кодексъ, но не создаетъ.

Одна изъ заслугъ прежней нѣмецкой науки именно въ томъ и состоитъ, что она обратила вниманіе на эти безличныя, анонимныя, темныя силы, играющія немалую роль въ слагающейся исторіи. Но для Трейчке всѣ эти понятія— только абстрактныя построенія, «не болѣе, какъ однодневныя моды, которымъ суждено исчезнуть, какъ зимнимъ снѣгамъ. Какъ можно утверждать, что въ какую-нибудь данную минуту народная душа что-нибудь рѣшила?» [1]).

Не только нѣтъ у гражданскаго общества естественнаго единства, но оно даже чревато внутренними конфликтами; ибо всѣ эти личности и группы преслѣдуютъ противоположныя цѣли, которыя естественно сталкиваются. Каждый стремится распространиться и развиться въ ущербъ другому. Конкуренція есть законъ жизни не только экономической, но и религіозной, научной, артистической и т. д. Каждое промышленное или торговое предпріятіе борется съ соперниками; каждое вѣроисповѣданіе, каждая школа, философская или артистическая, старается взять верхъ надъ другими школами и вѣроисповѣданіями. Оптимистическій тезисъ, будто частные интересы согласуются сами собою, непосредственно, вслѣдствіе яснаго сознанія своей солидарности, есть воззрѣніе лишь теоретиковъ, не опирающееся на факты. Между общественными интересами и частными лежитъ цѣлая бездна. Первые, если хорошо поняты, кореннымъ образомъ отличаются отъ вторыхъ. Такъ что тамъ, гдѣ царствуютъ лишь частныя побужденія, можно ожидать только безпорядочнаго

---

[1]) I, стр. 54.

антагонизма. «Гражданское общество представляетъ собою смѣшеніе всѣхъ возможныхъ интересовъ, воюющихъ между собою. Если бы они были предоставлены самимъ себѣ, они бы вызвали общую войну всѣхъ противъ всѣхъ, bellum omnium contra omnes [1]).

У государства—какъ разъ обратныя требованія. Оно нуждается прежде всего въ единствѣ, порядкѣ, организаціи. Государство есть личность, сознающая себя; оно говоритъ: *я хочу*. И это *я* не измѣняется съ каждымъ мгновеніемъ; оно развивается, оставаясь тожественнымъ, вѣрнымъ самому себѣ въ главныхъ своихъ чертахъ,—въ серіи поколѣній. Государство, это—устойчивость, противопоставленная движущемуся калейдоскопу гражданскаго общества. Въ его дѣятельности отмѣчаются тѣ же свойства. Она состоитъ изъ послѣдовательныхъ и упорныхъ усилій, стремящихся къ постояннымъ, возвышеннымъ и далекимъ цѣлямъ, и тѣмъ рѣзко отличается отъ разбросанности частныхъ дѣятельностей, которые всѣ преслѣдуютъ цѣли близкія, измѣнчивыя и часто противоположныя. Значитъ, общество составляется изъ двухъ родовъ силъ, направленныхъ въ противоположныя стороны. Оно скрываетъ настоящее противорѣчіе.

Долгъ гражданъ—повиноваться. На самомъ дѣлѣ въ фактахъ эта антиномія не существуетъ. Вѣрно то, что между общественными и частными интересами лежитъ цѣлая пропасть, но невѣрно, что движетъ частными лицами только личная выгода. Соединяясь, связуясь, они начинаютъ сознавать образуемыя ими группы, отъ простѣйшихъ до самыхъ высокихъ, и такимъ образомъ рождаются непосредственно соціальныя чувства, которыя государство выражаетъ, уясняетъ и упорядочиваетъ, но не создаетъ. Такъ что его дѣятельность опирается на совѣсть отдѣльныхъ личностей, а не сталкивается съ нею. Но Трейчке, который въ этомъ отношеніи, повторяетъ давнишнюю нѣмецкую традицію [2]), видитъ между личностью и гоусдарствомъ настоящее противорѣчіе; только одно государство обладаетъ сознаніемъ общаго дѣла.

---

[1]) I, стр. 54.

[2]) Это не единственное, по самое классическое пониманіе изъ встрѣчаемыхъ въ Германіи.

При данныхъ условіяхъ, для того чтобы эти двѣ силы, явно противныя, могли соединиться и слиться въ одно цѣлое, нужно, чтобы одна изъ нихъ покорилась другой. Трейчке предоставляетъ естественно государству эту первенствующую роль; такъ какъ, по его мнѣнію, государство, это какъ бы—жизненное начало общества.

Правда, въ наши дни начинаетъ все болѣе укореняться совершенно иное пониманіе. Многіе историки держатся того мнѣнія, что государство—скорѣе итогъ, равнодѣйствующая, чѣмъ причина; что событія, въ которыхъ оно играетъ главную роль, войны, дипломатическіе переговоры, всякаго рода трактаты, являются самой поверхностной стороной въ общественной жизни, что настоящіе факторы, созидающія начала въ историческомъ развитіи, это—идеи и вѣрованія, экономическая жизнь, техника, искусство и т. д. Говорятъ, что мѣсто народовъ въ мірѣ зависитъ прежде всего отъ степени ихъ цивилизаціи. Но, по Трейчке, это толкованіе исторіи противорѣчитъ всему, чему она насъ учитъ: а именно, что величіе націй въ прошломъ создано ихъ политической дѣятельностью, тѣмъ, какъ онѣ исполнили свою роль. «Ни одинъ народъ не пользовался такимъ продолжительнымъ вліяніемъ, какъ римляне, а между тѣмъ римляне не выдѣлялись ни въ искусствахъ, ни въ литературѣ; не отличались они такъ же и изобрѣтательностью. Горацій и Вергилій лишь переводятъ на латинскій языкъ греческую поэзію; *однако всемірная исторія врядъ ли знаетъ болѣе грозный народъ, чѣмъ римляне*» [1]).

Когда же наоборотъ общество ставитъ на первомъ планѣ заботы объ экономической или артистической жизни, «оно подпадаетъ подъ зависимость низшихъ склонностей нашей природы». Такъ было съ Голландіей, съ той минуты, какъ она перестала бороться съ всемірнымъ владычествомъ Испаніи [2]). Также и Германія: когда въ XVIII вѣкѣ интересъ къ художествамъ и литературѣ взялъ верхъ, Германія «упала обратно съ неба на землю» [3]). Настоящіе герои исторіи, это—государственные люди и полководцы. Что же касается ученыхъ и

---

1) I, стр. 65.
2) I, стр. 59.
3) I, стр. 60.

артистовъ, то, хотя и они принадлежатъ исторіи, но историческая жизнь, разумѣется, далеко не ограничивается ихъ произведеніями, чисто идеальными. Чѣмъ больше кто удаляется отъ жизни государства, тѣмъ болѣе удаляется и отъ исторіи» [1]).

Государство, слѣдовательно, должно диктовать законы и, такъ какъ оно не можетъ обойтись безъ единства, общество гражданское должно уступить его требованіямъ. Само по себѣ оно не знаетъ порядка; государство должно его навязать ему. «Право, миръ, порядокъ не рождаются отъ многочисленныхъ, борющихся между собою общественныхъ интересовъ, а исключительно только отъ той власти, что господствуетъ надъ обществомъ и вооружена достаточной силой, чтобы сдерживать и связывать его страсти» [2]). Государство можетъ, значитъ, водворять порядокъ только принудительнымъ образомъ: «оно можетъ дѣйствовать лишь внѣшнимъ принужденіемъ» [3]). Оно приказываетъ, и всѣ подчиняются: «повиновеніе—первая изъ гражданскихъ обязанностей» [4]). Безъ сомнѣнія, принужденіе не имѣетъ власти надъ внутренней совѣстью; оно можетъ добиться только дѣйствій, но большаго оно и не требуетъ. Для него важенъ самый матеріальный фактъ повиновенія, а не то, какъ повинуются. «Оно говоритъ: мнѣ совершенно безразлично, что вы думаете; но вы должны повиноваться... Это прогрессъ, когда къ молчаливому повиновенію граждaнъ прибавляется внутреннее обдуманное согласіе; но оно совершенно не необходимо. Цѣлыя имперіи продержались вѣками въ качествѣ могущественныхъ и высокоразвитыхъ государствъ, безъ этого внутренняго согласія граждaнъ. Что нужно, прежде всего, государству, это—жесть, чисто наружный... *Сущность государства въ томъ, чтобы реализовать то, что оно хочетъ.* Страшный принципъ βία βίᾳ βιάζεται (сила принуждается силой) господствуетъ надъ всей исторіей государствъ» [5]).

---

[1]) I, стр. 64.
[2]) I, стр. 56.
[3]) I, стр. 62.
[4]) I. стр. 143.
[5]) I, стр. 32—33.

Но для того, чтобы получалось такое повиновеніе, нужно, чтобы государство было сильно, могущественно. Оттого оно и по отношенію къ своимъ собственнымъ гражданамъ, прежде всего,—то, чѣмъ оно является по отношенію къ иностраннымъ государствамъ: а, именно, могущество. Итакъ, его долгъ внутри, какъ и во-внѣ, утверждать это могущество. Для этого оно позаботится о томъ, чтобы его рѣшенія, разъ принятыя, безжалостно исполнялись. Не должно чувствоваться ни малѣйшаго колебанія, признака слабости. «Также и внутри, главное—могущество, неуклонное утвержденіе и всецѣлое осуществленіе воли государства. Государство, которое допускаетъ малѣйшее сомнѣніе въ твердости своей воли и своихъ законовъ, расшатываетъ чувство права» [1]). Если сопротивляются, оно должно ударить, и больно; это—единственное средство укрѣпить въ другихъ убѣжденіе въ его силѣ. «Пусть вспомнятъ, съ какою сентиментальностью долгое время нѣмецкіе монархи пользовались своимъ правомъ миловать. Филантропы столько ныли надъ безнравсвенностью смертной казни, что и они заразились этимъ чувствомъ. Дошли до того, въ Германіи, что совершенно перестали рубить головы [2]). Политика невозможна безъ жестокости; вотъ отчего женщины въ ней ничего не смыслятъ» [3]).

Идеальный государственный человѣкъ. Этотъ анализъ достаточно выясняетъ образъ идеальнаго государственнаго человѣка, какъ его понимаетъ Трейчке.

Прежде всего онъ долженъ обладать внушительнымъ запасомъ честолюбія (massiver Ehrgeiz) [4]). Государство по природѣ честолюбиво и неусыпно стремится къ большему величію и мощи; оттого и слишкомъ скромный въ своихъ замыслахъ человѣкъ не можетъ быть орудіемъ ихъ осуществленія.

Чтобы исполнить задуманное, онъ долженъ, конечно, быть умнымъ, имѣть умъ практическій, предостерегающій его отъ «увлеченій прекрасными политическими идеями». Одинъ

---

[1]) I, стр. 101.
[2]) I, стр. 102.
[3]) I. стр. 33.
[4]) I, стр. 66.

только успѣшный конецъ долженъ имѣть цѣну въ его глазахъ; «въ успѣхѣ онъ находитъ свое счастье».

Но самое необходимое ему качество, это—неуступчивая воля. «Искусство политики требуетъ желѣзнаго характера». Его роль—господствовать, доминировать надъ гражданами столько же, сколько и надъ иностранными государствами; принуждать ихъ къ повиновенію. Его дѣятельность кажется направленной противъ самой природы вещей; со всѣхъ сторонъ онъ наталкивается на сопротивленія, эгоизмъ личностей, отвѣтное честолюбіе другихъ государствъ-соперниковъ, съ которыми онъ долженъ бороться. Чтобы надъ ними восторжествовать, ему нужна неукротимая энергія. Вотъ почему, разъ онъ себѣ намѣтилъ цѣль, онъ къ ней идетъ неуклоннымъ шагомъ, «не давая себя задерживать излишней моральной щепетильностью, въ выборѣ средствъ и, особенно, людей» [1]). Пусть неотступная мысль о благѣ государства не позволяетъ соображеніямъ частной морали или внушеніямъ чувствительности смягчать его сердце: человѣколюбіе, гуманность не по его части. Конечно, при такихъ условіяхъ къ его личности неизбѣжно должно пристать что-то суровое, грубое, часто возбуждающее ненависть [2]). Но ему до этого дѣла нѣтъ: все же его задача—самая благородная, какая только можетъ выпасть на долю человѣка [3]).

Итакъ, мысль о томъ, что нѣкоторыя сердечныя черты могли бы ему быть полезными, хотя бы для того, чтобы лучше понимать, что̀ происходитъ въ чужихъ сердцахъ,—что, кто хочетъ вліять на другихъ людей, не можетъ оставаться чуждымъ великимъ общечеловѣческимъ стремленіямъ; что хоть малую толику власти своей онъ долженъ бы употребить на то, чтобы водворить хоть немного справедливости между людьми, какъ между народами; что немного симпатіи это—средство, безъ котораго не обойдется—вотъ эта мысль даже въ голову не приходитъ Трейчке. Подъ идеальнымъ портретомъ, который онъ намъ рисуетъ, не трудно узнать историческую личность, служившую ему образцомъ: это—желѣзный канцлеръ.

---

[1]) Trotz seiner Rücksichtslosigkeit in der Wahl der Mittel und namentlich der Personen (I, стр. 66).

[2]) Mit allem Groben und Herben was ihm anhaften muss. I, стр. 101

[3]) Черты этого портрета взяты со страницъ 66 и 104—105 I тома.

Глава IV.

Факты войны объясняются этимъ умственнымъ укладомъ.

Теперь объясняется, какимъ образомъ Германія могла запятнать себя приписываемыми ей поступками: это только логическій выводъ изъ вышеизложенныхъ идей.

Нарушеніе бельгійскаго нейтралитета и гаагскихъ конвенцій. Если допустить странное, только что изложенное пониманіе международнаго права, то нарушеніе бельгійскаго нейтралитета является актомъ вполнѣ законнымъ и естественнымъ. Германія не могла задумываться надъ нарушеніемъ подписаннаго ею трактата, разъ она не признаетъ обязательной силы за международными договорами, которые она подписываетъ. Вотъ что открываетъ намъ весь подлинный смыслъ словъ, сказанныхъ Г. Бетманъ-Гольвегомъ, 4 августа 1914 г., англійскому послу сэру Э. Гошену, когда первый осмѣлился объявить, что бельгійскій нейтралитетъ лишь «слово», а договоры, обезпечивающіе его,—простые «лоскуты бумаги». Эти выраженія были не просто жестомъ раздраженія, вырвавшимся у канцлера подъ вліяніемъ гнѣва и досады: они передавали подлинное его чувство, истину, которая ему казалось совершенно понятной. Когда Германія договаривается съ другими государствами, то она не чувствуетъ себя дѣйствительно и серьезно связанной принимаемыми ею на себя обязательствами.

Разъ этотъ принципъ извѣстенъ, то предлогъ, которымъ нѣмецкое правительство попыталось было впослѣдствіи оправдать свое преступленіе, теряетъ всякую цѣну. Оно, какъ извѣстно, заявило, что Германія вынуждена была вторгнуться въ Бельгію, чтобы предупредить Францію, яко бы уже собирав-

шуюся сдѣлать то же самое [1]). Да, впрочемъ, оно долгое время и выдвигало это извиненіе только въ видѣ дополнительнаго. Это было въ то самое время, когда имперскій канцлеръ въ рейхстагѣ гордо ссылался на трейчковскій принципъ, что не существуетъ обязаности передъ лицомъ необходимости.

А. Гарнакъ, историкъ христіанства, не побоялся подбавить еще къ этому офиціальному цинизму, когда писалъ, обращаясь къ руководящимъ кругамъ англійскихъ протестантовъ: «Нашъ канцлеръ, со свойственнымъ ему повышеннымъ нравственымъ сознаніемъ, видитъ тутъ настоящее нарушеніе права. Я, съ своей стороны, не могу послѣдовать за нимъ, въ этомъ признаніи формальнаго правонарушенія; мы были въ такомъ положеніи, когда уже не существуетъ вопроса о формѣ, а только нравственныя обязанности... Существуетъ право необходимости, ломающее желѣзо, а не то, что договоры» [2]). Позже, когда молніеносный успѣхъ, на который разсчитывали для извиненія, не получился, почувствовалась потребность говорить языкомъ, менѣе грубо-откровеннымъ, и считаться съ общественною совѣстью; но настоящую причину рѣшенія Германіи нужно искать въ этихъ первоначальныхъ признаніяхъ.

Тѣмъ же принципомъ объясняются и безчисленныя нарушенія гаагскихъ постановленій, совершенныя нѣмецкимъ правительствомъ, не давшимъ себѣ даже труда оправдываться въ нихъ [3]).

Угроза самому существованію маленькихъ государствъ.

---

[1]) Нужно ли еще лишній разъ опровергать эту гнусную клевету? Напомнимъ только, что тогда какъ Франція 1 авг. 1914 г., по просьбѣ Англіи, торжественно обязалась соблюдать бельгійскій нейтралитетъ, Германія, спрошенная одновременно, отказалась принять на себя подобное обязательство. Оба государства, значитъ, уже наканунѣ войны достаточно обнаружили свои обоюдныя намѣренія, чтобы могло еще оставаться мѣсто сомнѣнію.

[2]) Переводъ взятъ изъ номера 10 октября 1914 г. Литературной Недѣли (Semaine litteraire).

[3]) Нарушеніе статьи, воспрещающей коллективныя казни, статьи, запрещающей бомбардировку неукрѣпленныхъ городовъ безъ предварительнаго предупрежденія и памятниковъ искусства безъ явной стратегической необходимости, употребленіе удушливыхъ газовъ, убіеніе раненыхъ и т. д., и т. д.

Но кидаясь на Бельгію, Германія имѣла въ виду не только обезпечить себѣ, вопреки трактатамъ, кратчайшій путь на Парижъ. Другая причина, съ которой Трейчке насъ уже познакомилъ, совершено разъясняетъ этотъ насильственный шагъ и вмѣстѣ съ тѣмъ еще больше убѣждаетъ насъ въ его серьезности: для Германіи маленькія страны не настоящія государства. Въ самомъ дѣлѣ, ихъ слабость не дозволяетъ имъ твердо обнаружить могущество, т.-е. показать себя государствами; онѣ, значитъ, не могутъ претендовать на то уваженіе, которое въ правѣ къ себѣ требовать крупныя величины, именуемыя государствами. Они не что иное, какъ историческіе анахронизмы, которые должны быть поглощены болѣе обширными государствами, и при этомъ поглощающее ихъ болѣе крупное государство тѣмъ самымъ лишь возвращаетъ имъ ихъ настоящую природу. Оно служитъ какъ бы исполнителемъ историческихъ законовъ [1]).

Этотъ тезисъ до такой степени выражаетъ взглядъ нѣмецкаго правительства, что Г.' Яговъ, статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, не побоялся на свой рискъ его защищать. Разговаривая разъ съ однимъ изъ иностранныхъ пословъ объ обширныхъ колоніальныхъ владѣніяхъ Бельгіи, онъ указывалъ, насколько Германія была бы болѣе въ состояніи ихъ использовать и «развивая свое мнѣніе, онъ старался и своему собесѣднику навязать свое презрѣніе къ земельнымъ правамъ маленькихъ государствъ; однѣ великія державы, согласно его взгляду, имѣютъ и право и возможность вести колоніальную политику. Онъ даже раскрылъ свою затаенную мысль: въ перетасовкѣ, совершающейся въ Европѣ въ пользу самыхъ сильныхъ національностей, маленькимъ государствамъ не придется больше наслаждаться независимымъ существованіемъ, которое до сихъ поръ имъ предоставлялось; имъ суждено либо исчезнуть, либо быть увлеченными въ орбиту великихъ державъ» [2]).

Этотъ разговоръ происходилъ за нѣсколько мѣсяцевъ до войны. Также и въ офиціальномъ секретномъ донесеніи, ко-

---

[1]) Смотри выше, стр. 15—17.

[2]) Beyens. La famille Impériale allemande, (Нѣмецкое Императорское семейство) въ Revue des deux Mondes № 15 марта 1915 г. стр. 264.

торое опубликовано въ «Желтой книгѣ» и которое, исходя отъ нѣкоей высокопоставленной германской особы, выражаетъ, безъ сомнѣнія, мысль правительства, мы читаемъ: «Въ будущей европейской войнѣ маленькія государства должны слѣдовать за нами, или ихъ придется насильственно подчинить. Въ извѣстныхъ случаяхъ ихъ арміи и крѣпости легко могутъ быть побѣждены или нейтрализованы» [1]). Вторгаясь въ Бельгію, нѣмцы чувствовали, какъ будто они вступаютъ на территорію, составляющую до извѣстной степени, res nullius («вещь безъ хозяина»), и которую они намѣрены сдѣлать своею. Они, конечно, обѣщали ее эвакуировать по окончаніи войны; но вѣдь извѣстно, чего стоятъ ихъ обѣщанія. Существуетъ впрочемъ много различныхъ способовъ привести сосѣднее государство въ вассальное положеніе. Люксембургъ не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія нѣмецкой оккупаціи. А развѣ кто-нибудь сомнѣвается въ томъ, что, если бы Германія была побѣдительницей, великое герцогство никогда уже болѣе не вернуло бы себѣ своей автономіи?.

Систематическая безчеловѣчность въ веденіи войны. Когда мы накапливаемъ факты, доказывающіе, что война ведется нѣмецкимъ главнымъ штабомъ съ безпримѣрной въ исторіи жестокостью, намъ часто возражаютъ, что тутъ, въ сущности, единичные факты, отдѣльныя личности, какъ ихъ можно встрѣтить во всякой арміи во время кампаніи, и что мы не имѣемъ права ихъ, эти факты, обобщать. Но на самомъ дѣлѣ, вѣдь нескончаемый рядъ этихъ ужасовъ составляетъ только примѣненіе на практикѣ тѣхъ идей и чувствъ, которыя давно внушаются нѣмецкой молодежи.

Вспомнимъ политическую мораль Трейчке. Государство стоитъ выше морали; оно не признаетъ цѣли выше себя, а есть самоцѣль. Добиваться наивысшей власти съ тѣмъ, чтобы покорить своей волѣ всѣ остальныя государства, вотъ для него благо, и все, что служитъ этой цѣли, законно и нравственно хорошо. Приложите эти аксіомы къ войнѣ, и вы получите тѣ правила, въ которыя главный штабъ воплотилъ свое пониманіе военнаго долга во время войны. Нѣкоторыя изъ этихъ предложеній точь-въ-точь напоминаютъ трейчковскія.

---

[1]) **Желтая книга, Приложеніе № 2, стр. 11.**

«Дозволено,—говоритъ главный штабъ,—всякое средство, безъ котораго цѣль войны не можетъ быть достигнута» [1]). Это не что иное, какъ повтореніе въ болѣе частной формѣ, общаго правила Трейчке: въ политикѣ цѣль оправдываетъ средства. Изъ чего слѣдуетъ, говоря словами генерала фонъ-Гартмана, что «международное право должно остерегаться парализовать военныя дѣйствія, и налагать на нихъ оковы» [2]). Если является полезнымъ, для того, чтобы сломить волю противника, терроризовать его гражданское населеніе, то его и будутъ терроризовать, и всѣ дѣйствительныя средства, какъ бы они ни были ужасны,—будутъ дозволены.

Съ другой стороны, и отдѣльныя звѣрства, совершенныя германскими войсками, не что иное, какъ методическое примѣненіе этихъ наставленій и правилъ. Такимъ образомъ, все находится въ тѣсной, непрерывной, глубоко послѣдовательной связи: опредѣленное пониманіе государства переходитъ въ правила дѣйствій, изданныя военными властями, а эти правила, въ свою очередь, порождаютъ поступки отдѣльныхъ личностей. Тутъ, значитъ, дѣло идетъ не объ индивидуальныхъ ошибкахъ, болѣе или менѣе частыхъ, но о системѣ, совершенно организованной, коренящейся въ общественномъ пониманіи и настроеніи и дѣйствующей затѣмъ уже автоматически [3]).

---

[1]) „Законы и обычаи континентальной войны" стр. 9.

[2]) Militärische Notwendigkeit und Humanität (Военная необходимость и гуманность, въ Deutsche Rundschau, XIII стр. 119. Нѣмецкомъ Обозрѣніи).

[3]) Трейчке самъ, довольно кратко, коснулся вопроса о законахъ войны. Принципъ, изъ котораго онъ исходилъ,—тотъ самый, на которомъ построена офиціальная доктрина германскаго Главнаго Штаба: все должно быть подчинено военной необходимости. „Войну, пишетъ онъ, нужно будетъ съ полнымъ правомъ вести тѣмъ способомъ, который обѣщаетъ быть всего дѣйствительнѣе, потому что такимъ образомъ ея цѣль, т.-е. миръ, будетъ всего скорѣе достигнута. Для этого нужно стараться нанести ударъ въ самое сердце непріятеля. Самыя страшныя оружія тутъ дозволены, лишь бы они не причиняли лишнихъ страданій раненымъ. Этого нисколько не измѣнятъ разглагольствованія филантроповъ»... (II, стр. 564). Касаясь примѣненія этого принципа, онъ выказываетъ извѣстную умѣренность. Напримѣръ, онъ осуждаетъ ненужное уничтоженіе произведеній искусства и предписываетъ уважать частную собственность. Но доза человѣчности, которой онъ позволяетъ просачиться въ этотъ весьма небольшой устанавливаемый имъ кодексъ международ-

Отрицаніе національнаго права. Наконецъ, мы могли замѣтить по пути, какъ этотъ духовный укладъ отрицательно относится ко всякой идеѣ о національности и вытекающему изъ нея принципу. Національность, это—человѣческая группа, члены которой, по этнографическимъ или по историческимъ причинамъ, хотятъ управляться одинаковыми законами, составлять одно государство, большое или малое, какъ придется; и теперь принято думать между цивилизованными народами, что когда эта общая воля, долгое время настойчиво проявляется, она имѣетъ право на признаніе и составляетъ даже еинственную крѣпкую основу для государства. Но эта истина должна казаться сентиментальностью тому, кто вмѣстѣ съ Трейчке утверждаетъ, что государство держится однимъ принужденіемъ, что оно не нуждается во внутреннемъ сочувствіи гражданъ, что его авторитетъ можетъ быть дѣйствителенъ, не будучи свободно признаннымъ со стороны гражданъ. Разъ великія имперіи могли просуществовать безъ того, чтобы этого желали ихъ подданные, нечего бояться насиловать народы, такъ какъ такимъ способомъ возможно созидать великія и могущественныя государства.

Вотъ почему Германія такъ любитъ завоеванія и аннексіи. Ей дѣла нѣтъ до того, что чувствуютъ или хотятъ люди. Она требуетъ только одного,—чтобы покорялись побѣдителю, а сама она уже приметъ мѣры, чтобы заставить себѣ повиноваться. Ей даже въ голову не приходитъ, что у нея есть поводъ постараться загладить свои насилія, привлечь къ себѣ сердца побѣжденныхъ. Германія никогда не признавала за народомъ права располагать собою. Это—руководящій принципъ ея политики, и онъ заранѣе объявляетъ, что въ день провозглашенія мира она отъ него не отречется, если на ея сторонѣ окажется побѣда.

наго права, можетъ быть измѣрена каплями. Послѣ того какъ онъ допустилъ, что въ наши дни общественная совѣсть не мирится съ тѣмъ, чтобы въ войнѣ между цивилизованными народами предавались огню цѣлые города и селенія, онъ однако прибавляетъ: „Не слѣдуетъ дѣлать изъ государства поле экспериментовъ надъ чувствомъ гуманности». (III, стр. 569).

Какъ понять кромѣ того, что Трейчке говоритъ о международномъ правѣ во время войны, когда государство вообще никому не обязано отчетомъ, кромѣ какъ самому себѣ?

Глава V.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Патологическій характеръ этого духовнаго уклада.

Итакъ, существуетъ дѣйствительно система идей, воздвигнутая въ нѣмецкихъ умахъ умѣлыми руками и объясняющая всѣ эти поступки, на которые хотѣлось бы считать Германію неспособной. Не мы эту систему сочинили или реконструировали путемъ искусственныхъ косвенныхъ аргументовъ; она сама въ готовомъ законченномъ видѣ предлагаетъ себя нашему анализу. Практическія примѣненія не нами діалектически выведены; они были высказаны прямо, какъ естественныя и законныя, тѣми, которые больше всего поработали надъ сооруженіемъ ея. Такимъ образомъ, мы видѣли, въ чемъ и какъ они принципіально порождаются этимъ духовнымъ укладомъ. Нельзя имъ удивляться, такъ какъ легко можно было ихъ предвидѣть и до событій, какъ послѣдствія извѣстной причины.

Впрочемъ, мы не хотимъ сказать, что всѣ нѣмцы поражены извѣстной нравственной испорченностью, въ духѣ приписываемыхъ имъ поступковъ. Трейчке былъ натурой нѣсколько суровой, грубоватой, но горячей и безкорыстной, исполненной высокаго благородства, «проникнутой вмѣстѣ съ

тѣмъ снисходительностью къ людямъ» [1]). Солдаты, совершавшіе эти звѣрства, начальники, предписавшіе ихъ, министры, опозорившіе свое отечество отказомъ отъ своихъ обязательствъ, всѣ вѣроятно, или по большей части,—честные люди, исполняющіе добросовѣстно свои ежедневныя обязанности. Но система идей, которую мы изучали, не создана для ежедневной жизни. Она имѣетъ въ виду жизнь общественную и, въ особенности, въ военное время, такъ какъ въ это время общественная жизнь достигаетъ максимума своего напряженія. Оттого, какъ скоро война объявлена, она овладѣваетъ ихъ совѣстью, изгоняетъ изъ нея идеи и чувства, ей противныя, и воцаряется надъ ихъ волею. Съ этого времени нѣмецъ видитъ вещи съ особеннаго угла зрѣнія, онъ дѣлается способнымъ на такіе поступки, которые, въ мирное время и какъ частное лицо, глубоко осудилъ бы.

Чѣмъ же отличается этотъ духовный укладъ?

Его нѣсколько разъ называли матеріалистическимъ. Но это выраженіе неточно и несправедливо. Для Трейчке, для Бернгарди, для всѣхъ теоретиковъ пангерманизма, матеріализмъ, наоборотъ, является худшимъ врагомъ, съ которымъ больше всего слѣдуетъ бороться. Въ ихъ глазахъ экономическая жизнь—только пошлая и низменная форма жизни народа, и та нація, которая изъ богатства дѣлаетъ конечную цѣль всѣхъ своихъ стремленій и трудовъ, обречена на вырожденіе. Потому-то миръ слишкомъ продолжительный и становится нравственною опасностью, что онъ развиваетъ вкусъ къ удобствамъ жизни, къ жизни легкой и сладкой, поощряя наименѣе благородные наши инстинкты. Потому-то они и возвеличиваютъ войну, что она служитъ школой самоотверженія и самопожертвованія. Не только они не проявляютъ слабости къ чувственнымъ аппетитамъ: въ ихъ ученіи, напротивъ, проходитъ какъ бы горячая струя аскетическаго и мистическаго идеализма. Цѣль, къ которой они призываютъ людей, далеко за собой оставляетъ кругъ матеріальныхъ интересовъ.

Только въ этомъ идеализмѣ есть что-то ненормальное и вредное, что дѣлаетъ его опаснымъ для всего человѣчества.

---

[1]) *Guilland*. L'Allemagne nouvelle et ses historiens, стр. 235.

Въ самомъ дѣлѣ, для государства существуетъ только одно средство осуществить эту возведенную въ абсолютъ автономность, которая составляетъ, какъ говорятъ, его сущность, и освободиться отъ всякой зависимости по отношенію къ другимъ государствамъ, именно—это держать ихъ въ подчиненіи себѣ. Если не оно будетъ надъ ними властвовать, то оно рискуетъ подпасть подъ ихъ владычество. Для того, чтобы не видѣть надъ собою ни единой высшей власти, нужно, чтобы его, государства, власть была выше всѣхъ остальныхъ. Абсолютной независимости, которой оно ищетъ, оно можетъ, слѣдовательно, достигнуть только черезъ главенство. Трейчке находитъ, что невозможно и даже нежелательно, чтобы одно единственное государство поглотило въ себѣ всѣ народы земные. Міровое государство, въ собственномъ смыслѣ слова, кажется ему чудовищнымъ, такъ какъ человѣческая цивилизація слишкомъ богата, чтобы одна единственная нація могла ее вмѣстить [1]). Однако остается все-таки очевиднымъ, что, съ этой точки зрѣнія, всеміpная гегемонія и есть та идеальная граница, къ которой государство должно стремиться. Оно не должно терпѣть равныхъ вокругъ себя, или, по крайней мѣрѣ, оно должно стараться уменьшить ихъ число; ибо равные это—соперники, которыхъ оно обязано превзойти, чтобы не быть превзойденнымъ ими. Въ своей безумной скачкѣ къ могуществу, оно имѣетъ право остановиться лишь на такой степени мощи, которая не могла бы быть достигнутой другими; и если фактически эта степень недостижима, это не освобождаетъ его отъ обязанности безконечно приближаться къ ней. Вотъ самый принципъ пангерманизма.

Источника этой политической доктрины искали въ преувеличенномъ чувствѣ своего достоинства, своей цѣнности и цивилизаціи, которымъ обладаетъ Германія. Думаютъ, что если она дошла до признанія за собой какого-то врожденнаго права господствовать надъ міромъ, то это вслѣдствіе какого-то миража, въ которомъ она сдѣлала изъ себя кумира, къ стопамъ котораго она приглашаетъ весь міръ повергнуться. Но

---

[1]) I, стр. 29.

мы только что видѣли, какъ Трейчке насъ привелъ къ самому порогу пангерманизма: и рѣчи не было объ этомъ апоѳеозѣ [1]). Такъ что спрашиваешь себя, не есть ли это—слѣдствіе, скорѣе, чѣмъ причина, объясненіе, данное впослѣдствіи факту болѣе давнему и глубокому [2]). Основнымъ является тутъ потребность утверждать себя, не чувствовать ничего выше себя, нетерпѣливое отношеніе къ всему, что граничитъ и приводитъ въ зависимость, словомъ—жажда власти.

Чтобы самой себѣ объяснить неукротимую энергію, которую она въ себѣ чувствовала и которая властно возставала противъ всякаго препятствія и стѣсненія, Германія сочинила себѣ миѳъ, который, все болѣе и болѣе разростаясь, усложнился и систематизировался. Чтобы оправдать свою потребность верховнаго главенства, она приписала себѣ всѣ возможныя превосходства; затѣмъ, чтобы сдѣлать понятнымъ это всемірное превосходство, она стала пріискивать ему причины въ расѣ, исторіи, легендахъ. Такимъ образомъ возникла эта пангерманистская многообразная миѳологія, то поэтическая, то ученая, дѣлающая изъ Германіи высшее земное воплощеніе божественнаго могущества. Но эти вымыслы, граничащіе иногда съ бредомъ, не сами собою составились, неизвѣстно почему и какъ: они служатъ выраженіемъ факта жизненнаго порядка. Вотъ почему мы сказали въ началѣ, что, несмотря на свою кажущуюся абстрактность, понятіе о государствѣ, лежащее въ основѣ ученія Трейчке, таитъ въ себѣ очень конкретное, живое чувство: душою его является извѣстное со-

---

[1]) Кромѣ того, вѣра въ превосходство нѣмецкой культуры очень мало объясняетъ. Народъ можетъ считать себя болѣе высокимъ нравственно и умственно, не чувствуя потребности господствовать надъ другими. Германія могла себѣ приписывать божественное происхожденіе, не стремясь завоевать весь свѣтъ. Манія величія не вызываетъ по необходимости стремленія къ гегемоніи, но укрѣпляетъ его уже потомъ.

[2]) Безъ сомнѣнія, Трейчке не отказываетъ себѣ въ удовольствіи восхвалять при случаѣ несравненныя заслуги Германіи. Но въ его рѣчахъ нѣтъ и тѣни мистицизма; онъ прославляетъ Германію, какъ всякій восторженный патріотъ прославляетъ свою родину; никогда онъ не претендуетъ для нея на сверхъестественную гегемонію. Но Бернгарди осталось лишь развить положенія своего учителя, чтобы дойти до классическаго пангерманизма.

стояніе воли. Миѳъ, по мѣрѣ того какъ создавался, подтверждалъ и усиливалъ тенденцію, породившую его, но если хочешь его понять, не слѣдуетъ останавливаться на буквѣ тѣхъ формулъ, что его выражаютъ. Нужно добраться до самаго состоянія, являющагося причиной.

Состояніе это—болѣзненная гипертрофія воли, нѣкая манія хотѣнія. Воля нормальная, здоровая, какъ бы она ни была энергична, умѣетъ принимать необходимую зависимость, налагаемую на нее природою вещей. Человѣкъ окруженъ физической средой, которая его поддерживаетъ, но и ограничиваетъ, и отъ которой онъ зависитъ. Онъ покоряется законамъ этой среды: не будучи въ состояніи измѣнить ихъ, онъ имъ повинуется, даже когда заставляетъ ихъ служить своимъ цѣлямъ. Чтобы совершенно освободиться отъ этихъ ограниченій и сопротивленій, ему пришлось бы сдѣлать вокругъ себя пустоту, т.-е. стать внѣ условій жизни. Но есть и другія силы, нравственныя, которыя, хотя и во имя чего-то другого и другимъ способомъ, но тоже заявляютъ свои права по отношенію къ народамъ и отдѣльнымъ личностямъ. Нѣтъ государства, которое было бы довольно могущественно, чтобы управлять противъ воли своихъ подданныхъ и заставлять ихъ однимъ внѣшнимъ принужденіямъ терпѣть его хотѣнія. Нѣтъ государства, которое не было бы поставлено въ болѣе обширную среду окружающихъ его государствъ, т.-е. которое не составляло бы части великой человѣческой общины и не было бы ей въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подвластно. Есть всемірная совѣсть и мнѣніе всего свѣта, которое нельзя не признавать такъ же, какъ и физическіе законы; потому что эти силы, когда ихъ попираютъ, возстаютъ противъ оскорбляющихъ ихъ. Государство не можетъ продержаться, когда все человѣчество противъ него.

Между тѣмъ, въ основѣ занимающаго насъ духовнаго уклада, мы находимъ желаніе подняться «выше всѣхъ силъ земныхъ», чтобы поработить ихъ, получить надъ ними абсолютную верховную власть. Этимъ словомъ «верховная власть» мы начали нашъ анализъ и къ нему же, заканчивая, должны вернуться, ибо оно вкратцѣ выражаетъ весь разсматриваемый нами идеалъ. Идеалъ этотъ, главнымъ образомъ,—идеалъ го-

споспѣшествованія, не можетъ быть осуществленъ отдѣльною личностью, слишкомъ для этого слабою. Но онъ можетъ и долженъ быть достигнутъ государствомъ, которое должно сильною рукою собрать во едино индивидуальныя силы, направить ихъ къ этой единой цѣли. Государство, вотъ—то единственное конкретное историческое явленіе, которое въ состояніи осуществить «сверхъ-бытіе», открытое и предвозвѣщенное у Ницше, и германское государство и должно напрячь всѣ свои силы, чтобы сдѣлаться такимъ «сверхсуществомъ». Германское государство должно быть «выше всего». Когда оно будетъ выше всѣхъ воль частныхъ, индивидуальныхъ и коллективныхъ, не имѣя другого закона, кромѣ того, который оно самъ себѣ даетъ, оно сумѣетъ сломить всякое сопротивленіе и навязать свою волю тамъ, гдѣ она не будетъ добровольно принята. Мало того, даже для того, чтобы еще съ большимъ блескомъ проявить свое могущество, оно готово, какъ бы играя, бросить вызовъ всей вселенной и съ улыбкой возстановить противъ себя всѣ народы земли [1]). Одной чрезмѣрности этихъ притязаній было бы достаточно, чтобы понять ихъ патологическую подкладку.

Передъ нами, слѣдовательно, характерный случай соціальной патологіи. Пусть историки и соціологи будущихъ временъ найдутъ его причины. Съ насъ довольно констатировать его существованіе. Францію и союзниковъ ея это можетъ только укрѣпить въ ихъ благихъ надеждахъ. Имѣть за себя самую природу вещей, это—высшая сила, которой безнаказанно не противятся. Есть, конечно, могучіе неврозы, во время которыхъ силы больного возбуждены. Его работоспособность и продуктивность сильно повышены. Онъ не знаетъ границъ своей мощи. Но это возбужденіе всегда временно. Самая сила его истощаетъ, и природа входитъ опять въ свои права. Такое же зрѣлище намъ даетъ и Германія. Это болѣзненное напряженіе воли, чтобы вырваться изъ-подъ гнета естественныхъ силъ, породило въ ней великія дѣла. Ей удалось поставить на ноги этотъ громадный военный механизмъ и бросить его въ міръ, чтобы покорить его. Но весь

---

[1]) Написано въ тотъ день, когда стало извѣстно о взрывѣ Лузитаніи.

міръ нельзя побѣдить. Когда воля не хочетъ признавать границы и мѣру, отъ которыхъ ничто человѣческое не избавлено, она неизбѣжно увлекается въ эксцессы, истощающіе ее, и рано или поздно наталкивается на высшія силы, которыя ее и сломятъ. Германія не можетъ осуществить свои завѣтныя мечты, не налагая оковъ на все человѣчество, а сковать навѣки жизнь—невозможно. Можно механически задержать, на время парализовать теченія ея, но она снова потечетъ безъ преградъ, выбрасывая на берегъ всѣ препятствія, возстававшія на ея свободу.

-50

Того же издательства.

I. Народныя бесѣды.

№ 1. **Прив.-доц. Н. С. Арсеньевъ.** О нашемъ Временномъ Правительствѣ, о свободѣ и порядкѣ и о защитѣ родины. Ц. 6 к.
№ 2. **Прив.-доц. А. Н. Бѣликовъ.** Почему мы должны побѣдить нѣмцевъ. Ц. 7 к.
№ 3. **Н. Ф. Езерскій.** Почему нельзя вѣрить нѣмцамъ. Цѣна 12 коп.
№ 4. **Н. Ф. Езерскій.** Наши союзники-французы. Цѣна 30 коп.
№ 5. **Прив.-доц. Н. С. Арсеньевъ.** О свободѣ и обязанностяхъ гражданина. Ц. 7 к.
№ 6. **Н. Ф. Езерскій.** Наши союзники-англичане. Цѣна 25 коп.
№ 7. **Н. Ф. Езерскій.** Наши союзники-бельгійцы. Цѣна 25 коп.
№ 8. **П. Ф. Преображенскій.** Учредительныя Собранія на Западѣ и русское Учредительное Собраніе. Цѣна 15 коп.
№ 9. **Прив.-доц. Г. В. Сергіевскій.** Какъ строилась американская демократія.
№ 11. **Н. Ефимова.** Крестьянскія войны. Цѣна 35 коп.
№ 12. **Прив.-доц. С. Ѳ. Кечекьянъ.** Что такое учредительное собраніе? Ц. 6 коп.
№ 13. **Проф. А. А. Рождественскій.** Сложныя государства.
№ 14. **Прив.-доц. И. А. Ильинъ.** Что значитъ быть гражданиномъ.
№ 15. **Прив.-доц. Г. В. Сергіевскій.** Великая американская демократія. I часть. Ц. 20 коп.
№ 17. **П. Д. Бурскій** Братанье съ врагомъ. Цѣна 20 коп.
№ 18. **П. Д. Бурскій.** Революція и офицеры. Цѣна 20 коп.
№ 21. **Прив.-доц. Г. В. Сергіевскій.** Великая американская демократія. II ч. Цѣна 40 коп.

II. Научно-политическая библіотека.

№ 1. **Проф. Р. Ю. Випперъ.** Соціализмъ и соціальная реформа. Цѣна 30 коп.
№ 2. **Проф. Р. Ю. Випперъ.** Очеркъ исторіи соціализма въ новѣйшее время. Цѣна 60 коп.
№ 4. **Проф. Шаусигъ и проф. Шапошниковъ.** Соціализмъ или капитализмъ? Цѣна 85 коп.
№ 5. **П. Ѳ. Преображенскій.** Пангерманизмъ и Россія. Цѣна 25 коп.
№ 10. **Проф. В. М. Хвостовъ.** Женщина въ обновленной культурѣ. Ц. 40 к.
№ 11. **Ф. Пасселекъ.** Существуетъ ли бельгійская нація? Цѣна 25 коп.
№ 12. **Прив.-доц. Д. П. Кончаловскій.** Личность и общество. Цѣна 30 коп.
№ 16. **Нѣмцы передъ собственнымъ судомъ.** Цѣна 20 коп.

Складъ изданія: Москва, Скобелевская площ., гостиница бывш. „Дрезденъ“, Книжный складъ при Обществѣ младшихъ преподавателей Московскаго Университета, а также: Орелъ, Гостинная, д. Скоропадскихъ, кв. Косовскаго.